

Анжелика Четвергова.

ВОДЯНАЯ БАБА.

Пьеса в двух действиях.

Действующие лица:

Лоерке, 29 лет.

Ефроня, старая женщина неопределенных лет.

Людмила Сергеевна (Лидушка), 39 лет.

Ида Сергеевна (Идушка), 39 лет.

Сергей Булатович, 32 года.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ.

Картина первая.

Кабинет директора школы. На стене две фотографии - Владимира Путина и Наполеона. На окне плотные жалюзи и кружевные занавески. На подоконнике стоит пластмассовая детская лейка в виде гуся. По стенам на железных подставках множество вьющихся растений. На противоположной стороне карта мира. Большой учительский стол накрыт полиэтиленом и холстиной, на них лежат куски мяса. Директор школы Людмила Сергеевна взвешивает безменом куски мяса и складывает в большую клетчатую сумку. В кабинет, широко улыбаясь и протягивая руку для пожатия, входит Лоерке, но при виде мяса нерешительно останавливается.

Людмила Сергеевна (Лидушка). Вы не родитель, я вас не знаю.

Лоерке. Думаю, что не знаете, вероятно, нет.

Людмила Сергеевна (Лидушка). На работу устраиваться? Вы молодой специалист?

Лоерке. Да.

Людмила Сергеевна (Лидушка). Заходите, не обращайтесь внимания. Родители Лены Строполовой из шестого класса ферму держат небольшую. Вот мне и привезли мяса. Это не взятка. Все честно и за деньги – по двести рублей за кило. Это недорого. Теперь на всю зиму хватит: тушенки наварю, заморожу, фарш, пельмени. Проживем! Как зовут вас?

Лоерке. Лоерке.

Людмила Сергеевна (Лидушка). Как-как?

Лоерке. Лоерке Хедвиг *(Протягивает через стол руку для пожатия.)*

Людмила Сергеевна (Лидушка). А почему имя такое нерусское?

Лоерке. Я из Дании.

Людмила Сергеевна (Лидушка). Очень приятно конечно. Только знаете, что мы сейчас сделаем. Выйдем, подумаем. Выходите, выходите. Я сейчас здесь все приберу, и мы поговорим. *(Лоерке уходит. Людмила Сергеевна кричит в открытое окно.)* Сергей Булатович. Зайди. А!? Мясо мне домой отвезешь. *(Сворачивает мясо в холстину и убирает в сумку. Льет воду на тряпку из лейки, протирает стол. Садится. Потом снова смачивает тряпку водой из лейки и протирает портрет Президента и Наполеона. В кабинет входит Сергей Булатович.)* Сидит там?

Сергей Булатович. Кто?

Людмила Сергеевна (Лидушка). Иностранка.

Сергей Булатович. Где?

Людмила Сергеевна (Лидушка). Тут была. *(Выглядывает за дверь.)* Ушла. Странная. Я еще удивилась, чего это она мне так лыбится, как будто я ей мать родная. Ладно. *(Протягивает ему ключи.)* Мясо завези мне домой, в подпол отпусти. Ты только когда открывать будешь, так дверь-то немного придави. Замок заедать стал. Дождись меня, ладно? Я пирожков с печенкой напекла. Сергей Булатович, может, уже и переедешь, я подушку для тебя купила.

Сергей Булатович. Я починю замок. *(Уходит.)*

Людмила Сергеевна (Лидушка) *(выглядывает за дверь).* А, пришли. Заходите.

Лоерке. Мне неловко. Я отрываю ваши дела.

Людмила Сергеевна (Лидушка). Садитесь. Слушаю вас. Зачем вы ко мне?

Лоерке. Я Лоерке Хедвиг. Закончила Орхусский университет по классу «Дизайн и изобразительное искусство». Это хороший очень университет. Там есть два преподавателя, которые получили Нобелевскую премию.

Людмила Сергеевна (Лидушка). Мне тоже приятно. Меня зовут Лида, Людмила Сергеевна. Я вот директор этой средней школы номер пять города Михайловска. Еще раз: откуда вы приехали?

Лоерке. Из Дании. Я датчанка.

Людмила Сергеевна (Лидушка). У вас там монархия?

Лоерке. Да. Это очень верно. Конституционная.

Людмила Сергеевна (Лидушка). Ошиблась. Дезире станет королевой Швеции.

Лоерке. У нас королева Маргрете.

Людмила Сергеевна (Лидушка). Я так просто вспомнила. Перед тем как жениться на Жозефине, Наполеон поехал к своей уже бывшей невесте Дезире Клари просить у нее прощения за то, что разрывает помолвку. А потом все годы ее не забывал и даже выдал замуж. Удачно очень. За своего генерала Жана Батиста Бернадота. Вот она и станет королевой Швеции, чья династия правит до сих пор. Ну и зачем вы у нас?

Лоерке. Я хочу здесь жить.

Людмила Сергеевна (Лидушка). Где?

Лоерке. Тут, в Михайловском.

Людмила Сергеевна (Лидушка). Ой. Ну точно странная. Вам это зачем?

Лоерке. Здесь жил Пушкин.

Людмила Сергеевна (Лидушка). Да, и Лермонтов.

Лоерке. Да. Да. Я люблю поэзию, русскую литературу: Толстой, Достоевский, Чехов. Мне еще в музей надо сходить.

Людмила Сергеевна (Лидушка). Ну и читайте у себя в Дании наших классиков. Зачем сюда приезжать? Вам здесь не понравится.

Лоерке. Нет. Мне уже так нравится. Я гуляла уже.

Людмила Сергеевна (Лидушка). А цветы вы разводите?

Лоерке. Разводить можно сок водкой, краску...

Людмила Сергеевна (Лидушка). Нет. *(Берет лейку, поливает цветы.)* Вот эти цветы сажаете?

Лоерке. О, нет.

Людмила Сергеевна (Лидушка). Плохо. Тогда трудно вам у нас будет.

Лоерке. Мой психотерапевт сказала, что мне надо сублимировать мои негативные помыслы на сложной работе, на трудностях. Мне должно быть тяжело, тогда на моей душе будет легко. Она предлагала ехать в Африку, но я знаю хорошо русский язык. Моя прабабушка и прадедушка были русские. Вы не берете на работу иностранных граждан?

Людмила Сергеевна (Лидушка). Вы у меня сорветесь посреди года, кем я потом часы буду закрывать? Нет, российское законодательство нам этого не запрещает. У меня полшколы иностранных преподавателей: учитель по пению из Таджикистана, математику киргиз преподает, физрук из Казахстана. *(Пауза.)* А две ставки возьмете?

Лоерке. Что это есть?

Людмила Сергеевна (Лидушка). Два предмета сможете вести?

Лоерке. Мне интересно это.

Людмила Сергеевна (Лидушка). Кто вы по профессии?

Лоерке. Муралист.

Людмила Сергеевна (Лидушка). Может, вы имеете в виду моралист. Я не удивлюсь, если вас в Европе и такому учат, а у нас своих хватает.

Лоерке. Это художник. Я расписываю стены. Там существует много техник, даже могу рисовать в храмы.

Людмила Сергеевна (Лидушка). Художник - это хорошо. Вера Витальевна на пенсию уходит, я с нее сниму шестые, седьмые, у нее останется десять часов, до конца года доработает. Вы знаете, английский?

Лоерке. Да, и датский, и французский.

Людмила Сергеевна (Лидушка). А немецкий?

Лоерке. Нет. Чуть-мало. Мой папа сказал так: одну неделю говорим все по-русски, другую — по-датски, третью — по-английски, следующую — по-немецки, по-французски.

Людмила Сергеевна (Лидушка). Господи ты боже мой. Взять вас, что ли? Еще раз ваше имя, пожалуйста, скажите.

Лоерке. Лоерке.

Людмила Сергеевна (Лидушка). А отчество?

Лоерке. Что это отчество? А, имя отца. Лукас.

Людмила Сергеевна (Лидушка). Лоерке Лукасовна. Вы представляете наших детей? У них будет истерика. Чтобы учащимся было легче, мы как бы имена адаптируем к русскому языку. Вот у меня учитель пения Абдолеб. Я его спрашивала, по-таджикски это значит соловей. Вот он и поет, кстати, очень хорошо поет. В прошлом году благодаря ему мы получили Губернаторскую премию. Для школьного оркестра инструменты купили. А отца его зовут Барфи. И что его дети Абдолебом Барфовичем должны были звать? Он у нас Альберт Борисович. Киргиз у меня, Съезд, между прочим. Его так в честь съезда назвали, ну это еще в советские годы. Так его дети зовут Семен Талгатович. А мы вам придумаем Лариса Лукьяновна.

Лоерке. Нет, не надо отчества. Пусть дети так зовут Лоерке.

Людмила Сергеевна (Лидушка). Так нельзя. Между педагогом и учеником должна быть дистанция, уважение какое-то.

Лоерке. Ну, что же делать теперь. Я не могу менять свое имя. Мне его папа дали и мама.

Людмила Сергеевна (Лидушка). Так вас дети будут дразнить.

Лоерке. О! Я люблю юмор! Я тоже им придумаю прозвища.

В кабинет входит Ида Сергеевна (Идушка).

Ида Сергеевна (Идушка) *(Людмиле Сергеевне).* Ты помнишь, как Колпаков в седьмом классе меня соблазнял?

Людмила Сергеевна (Лидушка). Это учитель химии Ида Сергеевна, а это...

Ида Сергеевна (Идушка.) Он зачитывал мне эротическую сцену из «Проклятых королей». Ну где эта, как ее дочь короля...

Людмила Сергеевна (Лидушка). Карла Красивого.

Ида Сергеевна (Идушка.) Ага. Жанна и еще одна со своими конюшами около камина. А наш Мансуров в лаборантской перед сестрами Ворониными писал в пробирку. Говорит, хотел сделать химический анализ состава индивидуальных веществ на начальном этапе изучения химии в средней школе.

Людмила Сергеевна (Лидушка). Сделал?

Ида Сергеевна (Идушка.) Вот ведь, пирожок ни с чем, а ему теперь, что пятерку ставить?

Людмила Сергеевна (Лидушка). Ида Сергеевна, у нас тут новый специалист.

Ида Сергеевна (Идушка.) Здравствуйте. Нинагриша - наша учительница, моя и Людмилы Сергеевны, всегда как в класс зайдет говорила: «Тридцать комариков выбежали на полянку и заиграли на своих писклявых скрипачках». Да мы-то были кузнечики, а они... Слов в русском языке таких говорить нельзя. Сколько вам лет?

Лоерке. Двадцать девять.

Ида Сергеевна (Идушка.) Не замужем? *(Лоерке отрицательно мотает головой.)* И детей нет. *(Еще раз мотает головой.)* Любите «Давай поженимся»? *(Пожимает плечами.)* Теперь вместе смотреть будем.

Людмила Сергеевна (Лидушка). У них там нет такой передачи. Она из Дании. Датчанка.

Лоерке. Да. Меня Лоерке зовут. Мне приятно очень *(Протягивает руку для пожатия.)*

Ида Сергеевна (Идушка.) Как?

Лоерке. Лоерке. Но мне говорят надо еще прибавить Лукасовна. Лукас мой отец.

Ида Сергеевна (Идушка.) Никогда датчанок не видела. Красивая как прибалтка, а к нам приехала. Зачем?

Людмила Сергеевна (Лидушка). Только мне вас селить негде. У меня не предусмотрен жилой фонд для учителей. Будете жить на съемной квартире?

Лоерке. Я обращаюсь к вам с просьбой. Я только не могу жить сейчас одна. Мне нельзя. Так говорит моя психотерапевт. Можно мне найти жилье там, где кто-то есть еще. Я буду платить деньги.

Ида Сергеевна (Идушка.) Тяжело, говорите, должно быть. А вы знаете, что у нас люди печки топят и в туалет, простите, на улицу ходят?

Лоерке. Прямо на улицу?

Ида Сергеевна (Идушка.) Ну нет. Мы же все-таки цивилизованные люди. Канализации нет. Во дворе дома ставится небольшое помещение с дырой в полу.

Лоерке. Для унитаза?

Людмила Сергеевна (Лидушка). Унитаз там не поставишь, может лопнуть. Зимой у нас до минус сорока бывает.

Лоерке. Там должно быть отопление?

Ида Сергеевна (Идушка.) Ну, может, где-то и должно, а у нас нет. Михайловск, одно слово - медвежий угол.

Лоерке. Я с этим тоже соглашусь. Красиво. Медвежий угол. Я хочу в музей попасть. Где он у вас?

Людмила Сергеевна (Лидушка). У нас очень хороший музей. Все экспонаты подлинные - письма, рисунки, фотографии.

Лоерке. У Пушкина нет фотографий.

Людмила Сергеевна (Лидушка). Ну, у Пушкина нет, а у наших ветеранов есть.

Лоерке. Нет. Мне нужен музей Пушкина, где он жил в ссылке. Поэт был очарован Михайловском. Он полюбил гулять, русскую баню, клубнику. Я специально приехала сюда, чтобы, как и он, испытать эти тяготы. Он здесь написал «Бориса Годунова» и почти всего «Онегина». Я тоже буду писать. Картины. У меня много артпланов.

Ида Сергеевна (Идушка.) Пойдите, вы про Михайловское, наверное, говорите.

Лоерке. Да. *(Роется в сумке, достает книгу.)* Вот. Это «Евгений Онегин», он из Дании. В тысяча девятьсот двадцать седьмом году моя прабабушка делала эти картинки. Она хотела, чтобы книга жила в музее Пушкина в Михайловском. Она там была. А мою прапрабабушку любил сын Пущина.

Людмила Сергеевна (Лидушка) встает из-за стола. начинает поливать цветы.

Ида Сергеевна (Идушка.) Подойдите ко мне. Это карта. Это ваша Дания. А вот это Россия. Чувствуете разницу, да? Какой в России самый популярный зверь?

Лоерке. Корова?

Людмила Сергеевна (Лидушка). Почему?

Лоерке. У вас коровы по улицам ходят вместе с машинами.

Ида Сергеевна (Идушка.) Ну это в Альпах, наверное, корова самый популярный зверь, а у нас медведь. И живут медведи — вот здесь, и вот здесь, в общем-то, везде. Поэтому только в России четыре города Михайловск, включая нас, пять или шесть поселков, а уж деревень и сел — без счета. Мне жаль Лоерке Лукасовна, только вы ошиблись на так километров две тысячи. Вот Москва и вот где-то рядом в подмосковных областях, не помню, село Михайловское. А у нас город Михайловск. Мы здесь, они там.

Лоерке. Я не приехала туда.

Людмила Сергеевна (Лидушка). Нет.

Ида Сергеевна (Идушка.) Так может уедете?

Лоерке. Значит, я не увижу музей Пушкина и не буду гулять по тем же рощам золотым?

Людмила Сергеевна (Лидушка). Ну почему же не будете? Вот в отпуск пойдете и поедете в ваш музей-заповедник Михайловское. А у нас, что нет рощ золотых? А вот вы не знаете, а говорите. У нас самое красивое место на Урале. Сюда иностранцы в наш природный парк «Оленьи ручьи» тоже со всего мира ездят. У ангела, которых только семь в мире, желания загадывают. А какие у нас елки. Какие елки! Это просто Берендеево царство. Нас во всех путеводителях называют «Уральская Швейцария».

Лоерке. В Швейцарии жизнь не тяжелая. Я там жила. Значит, пусть так. Здесь мне будет нелегко.

Картина вторая.

Горница в деревенском доме. Большую часть комнаты занимает русская печь с большим горнилом с заслоном. Рядом с печью стоит ведро и веник на палке как помело. На гвозде висят большие ножницы. На окнах шторы из выбеленного холста с вышивкой, горшки с геранью. Около стены кровать с кружевным подзором и стопкой подушек под накидушкой. Над кроватью на стене выложена часть мозаики из пластиковых пробок. – птица Гамаюн. Над кроватью красный угол с иконами. На прикроватном комодe – радиоприемник, закрытый ажурной салфеткой. Посреди комнаты стол с ажурной скатертью, поверх которой постелена клеенка. В другой части комнаты дверь за ситцевыми занавесками. В горницу заходят Лоерке и Людмила Сергеевна.

Людмила Сергеевна (Лидушка). Ефросинья Феоктистовна, жиличку принимай.

Ефроня *(выходит из другой комнаты, прихрамывает).* Тихо ты. Разоралась. Кошка спит. Она всю ночь мышей ловила. Умаялась поди. Я ей с вечера пожаловалась, а утром в подпол спустилась, ни одной серенькой.

Людмила Сергеевна (Лидушка). А че хромаешь?

Ефроня. Так сверху приказали. Сказали, похромай немного, вот и хромаю.

Людмила Сергеевна (Лидушка). А-а. Я тебе пробок принесла *(кладет полиэтиленовый мешок с пробками на стол.)*

Ефроня. А желтый цвет есть?

Людмила Сергеевна (Лидушка). Да не пью я этот «Севан Ап». Потом, что уроки на улице проводить?

Ефроня. Мне желтого на хвост не хватает. У школьников попроси. Раньше собирали макулатуру, металлолом. Новенькая?

Людмила Сергеевна (Лидушка). Это у нас Лоерке, она из Дании.

Лоерке. Здравствуйте. У вас красивый дом, мне будет хорошо тут жить. *(Пожимает ей руку.)* Только так ваше имя я не умею еще...

Ефроня. Ух ты, иностранка, что ли?

Людмила Сергеевна (Лидушка). Вишь как тебе свезло. Будешь теперь плату за постой в валюте брать.

Ефроня. Нет. *(Подходит к печи, достает чугунок.)* Мне ихних денег не надо. Рубли - они есть деньги. Ну проходи, что ли, мил-сердешная. Там будет твоя комната, только пока не входи, там кошка спит.

Лоерке. А когда на работу мне?

Людмила Сергеевна (Лидушка). Приходите завтра. Пораньше. Чайку попьем и работать пойдём. Не обижай ее Ефроня, малахольная она, не наша. *(Уходит.)*

Ефроня *(дует на кашу в чугунке).* Так ты, значит, из Дании?

Лоерке. Да.

Ефроня. А где это?

Лоерке. В Европе.

Ефроня. Рядом с чем?

Лоерке. С морем.

Ефроня. С каким?

Лоерке. С Северным и Балтийским.

Ефроня. Сразу с двумя. Не знаю таких. Так вы там, что ли только рыбу едите?

Лоерке. Да, и мясо.

Ефроня. А-а. Я однажды тоже не туда приехала. И ничего выжила. Люди хорошие везде есть. *(Подошла к печке, поставила тарелку с кашей за печку, присела на коленки.)* Дедушка-домовушка, приходи в мой домушко, угощения откусать и хозяйку Ефроню слушать, дом оберегать, от дурного глаза охранять. От нас тебе угощение, от тебя нам – доброе отношение. А сюда зачем приехала?

Лоерке. Сама не знаю уже. Я не туда приехала и поэтому мне так непонятно, неудобно. А здесь хорошие люди?

Ефроня. Да всякие бывают. Но в основном наши - гамаюны. Вон видишь-ка птица это наша Гамюн вещая.

Лоерке. Ой это же пробки. Вот кока-кола.

Ефроня *(берет в руки молоток, из кармана достает маленькие гвозди. Начинает прикладывать разноцветные пробки к мозаике. Прибивает).* Да больше все коричневые приносят. Даже не помойках такой цвет. Что им жалко пиво разноцветными пробками закручивать? Ладно вот еще синей много, тут у нас своя минеральная вода.

Лоерке. Я приехала на воды, как Баден-Баден.

Ефроня. Да для всех - и для баб, и для мужиков у кого желудки плохие. Мне тоже говорят пить надо. Только вонькая она.

Лоерке. Что это гамаюны?

Ефроня (*замирает на секунду*). Молоко скисает. Слышишь? Да вот как заводы на Серге стали строить, тут тебе и рабочий люд потянулся. Больше всего на Михайловский завод приехали, они-то и назывались гамаюнами, то ли из-за прозвища ихнего князя, а то и за громкий голос. Теперь кто разберет? Вот мы гамаюны, а нижнесергинцы зобаны. В Тюльгаше пиканы есть, это кто с Перми пришел. Ой тута какого только человечества нет! Все перемешано. Мы и всю жизнь в татарах живем.

Лоерке. А мне бабушка сказку говорила про птицу Гамаюн.

Ефроня. Это вот эту? Прилети, Гамаюн, птица вещая, через море раздольное, через горы высокие, через темный лес, через чисто поле. Ты воспой, Гамаюн, птица вещая, на белой заре, на крутой горе, на ракитовом кусточке, на малиновом пруточке. (*Лоерке заулыбалась и замотала под ступом ногами.*) Не болтай ногами.

Лоерке. Почему так нельзя? Это неприлично.

Ефроня. А твоя бабушка разве не учила тебя. Нельзя болтать ногами. Это чертей тешит, они радуются.

Лоерке. Умерла бабушка. Было так холодно. Ветер дует. А я в одной кофте и одна во всем. Бабушка сказку эту любила, и меня любила, и дедушку любила, и русской была. Мама с папой умерли, давно уже. В Африке. Они были врачи.

Ефроня. Съели, что ли, негры их?

Лоерке. Самолет разбился. В горах, их даже не искали. Приросли в ковыль, говорила бабушка.

Ефроня. Эх, не легка доля-то сиротская. Сама сколь лет по чужим домам росла. Помню, прижили меня братка моей матери. А у них у самих три девки на выданье, да я четвертая сопля. Летом особенно хорошо было. Меня в пастухи определили, стадо дали. А я наберу книжек в библиотеке и читаю, прямо взахлеб. И хорошо, и дышится травою, кузнечики тебе тут циркают, жаворонок заливается. Облака плывут, а в голове истории всякие: и там про какую-нибудь Нану или про молодого джентльмена мистера Бингли из Незерфилд-парка. Библиотекарша не верит, что я все прочитала. А ну, говорит, перескажи, а то я тебе больше книг давать не буду. А я давай рассказывать. Да еще в лицах. Все слушают, а я рада стараться. (*Пауза.*) Плохо тебе. Вижу, совсем серое сердце.

Лоерке. Мне таблетку надо принять. Где можно воды пить?

Ефроня. Больная, что ли?

Лоерке. Нет, это от психоэмоционального стресса. Успокоительные. Мне моя психотерапевт прописала.

Ефроня. От нервов?

Лоерке. Да. Мне надо, у меня были срывы.

Ефроня. Покажи мне. (*Лоерке протягивает пузырёк с таблетками. Ефроня прячет таблетки за спиной, а другой грозит пальцем.*) Нельзя это.

Лоерке. Отдайте, я умру без своего лекарства.

Ефроня. Не отдам.

Лоерке. Что вы делаете? Тут такого не купишь.

Ефроня. Будем мы живы и будем когда-нибудь веселы. Я тебе настой сейчас заварю: душицу, мяту, богородской травки в этом году много засушила. Спать будешь на облаках и с боженькой разговаривать.

Лоерке. Я не хочу с вашим боженькой разговаривать. Отдайте мне мое важное лекарство.

Ефроня. Ни богу свечка, ни черту кочерга. *(Выбрасывает таблетки в печку.)*

Лоерке. Что же вы не добро сделали? Вы кошку жалеете, а человека нет. Покажите мне мою кровать. Я должна уже быть одна.

Ефроня *(заваривает ей траву).* А там кошка спит. Ее тревожить нельзя.

Лоерке. Да оставите вы меня в покое? Вы не знаете мою жизнь, и я не хочу знать вашу. Я завтра уеду. Я найду другое место. Вы ненормальная. Я нормальная. Я нормальная. *(Мнет подол платья, пытается его разорвать, потом ищет нож, открывая дверцы шкафа, видит ножницы, которые висят на гвозде. Ефроня прячется под стол. Лоерке надрезает подол и разрывает юбку на полоски.)* Ланг фо хэве вэн блю ог блю, лисом коомплед дэн смуккесте коомплёт ог клар транспорант, сом дэ ренисте глас. Ланг фо хэве вэн блю ог блю, лисом коомплед дэн смуккесте коомплёт ог клар транспорант, сом дэ ренисте глас.

Ефроня *(вылезает из-под стола).* Совсем ты что ли с умы сбрендила? Положи ножницы. Как ножницы будут по-вашему, а? Нельзя это. Больно это. *(Лоерке истошно кричит.)* Ах так. Ну погоди. Не щували тебя видно давно. *(Вытаскивает из веника хворостину, и начинает ею изо всех сил лупить Лоерку. У Лоероки падают ножницы. Бабка хватает ее, зажимает, задирает ей подол и продолжает отхаживать ее хворостиной. Лоерке начинает жалобно плакать.)*

Ефроня. Вот и хорошо, поплачь, со слезами-то вся дурь из тебя и выйдет.

Лоерке. Как так при незнакомых плакать.

Ефроня *(гладит ее по голове).* Дождик, лей, лей, лей. Ты водицы не жалея. Землю нашу поливай. Будет славным урожай! Не боимся хрипоты, голосим и я, и ты-ы-ы-ы-ы-ы! Сейчас травка запарится и отвару попьешь. Я тебя послушаю, тебе надо душу облегчить. А как мне тебя еще узнать? Человек-то по своему горю читается. Одному горе, что у соседа репа большая выросла, а у другого горе, что у соседа ничего не выросло. Слышишь? Капустка в сенях квасится, и из нее злой дух уходит. Хорошо. Чего хоть лепетала. Меня что ли поносила?

Лоерке. Вад эр дет хер?

Ефроня. Все с России пошло, здесь он хер то - корень жизни.

Лоерке. Что это понОсила. Я не понимаю.

Ефроня. Тебе у нас понравится. Вот потом поглядишь с горы на Михайловск. Удивишься, глаз слепит, так крыши горят. Нигде такого нет, ни в Европах, ни в Америках. Почитай, у всех крыши алюминиевые.

Лоерке. Почему?

Ефроня. Так фольгу у нас на заводе делали. А как Перестройка началась, платить стало нечем, вот алюминиевыми листами и платили. У нас все так. У меня сестра двоюродная в Казани. Аля. Она на заводе работала, где плитку делали облицовочную. Маленькие такие разноцветные квадратики. Вот она по пять-десять штук в кармане и выносила. Двадцать пять лет проработала, отделала этой плиточкой и ванную, и кухню. Вот и чаек полезительный поспел. Углы углами, двери дверями, цари царями. Иду к вам с опаской, а вы ко мне с лаской, иду до вас с перцем, а вы ко мне с добрым сердцем. И я с тобой за компанию. *(Разливает отвар.)*

Лоерке *(берет кружку отхлебывает отвар)*. Я не хочу вам про Римаса говорить. Можно я про него ничего не скажу? Я пока не могу. Я ведь топилась у себя в Фоборге. У меня плащ был коричневый. Я не любила его. Положила в карманы камней и пошла в воду. Иду, иду, волосы распустила, как русалка. Они так плывут мне в рот, в глаза. Я иду дальше. Вижу лодка привязана. Думаю, самой сил не хватит под водой удержать себя. Надо голову о киль разбить. Подошла к лодке. Стукнулась раз - не больно, другой раз сильнее - опять не больно мне. Думаю, отвяжу лодку и уплыву в море, там прыгну на глубине. А в лодку залезла, там яблоки, много, зеленые. Я не люблю зеленых яблок, они кислые. Ем их, плачу, ем и плачу. Потом камни в воду выбросила, в карманы яблоками сложила и домой пошла. Я уже давно не была студенткой, я уже молодая женщина, а Римасу было тридцать шесть. Он не мог построить серьезных отношений с женщиной, не отучиться, не получить прав, не иметь стабильной работы, как можно всю жизнь прожить в съемном жилье и это же завещать детям, которых он хотел двоих.

Ефроня. Сейчас в лесу хорошо. Деревья лечат. Лист под ногами шуршит, подорешины пошли. Лисичек засолить можно кадушку. До весны надо дожидать. Когда лед с Серги сойдет, река по всему берегу корни елок лижет. Медуница цветет. Небо голубое-голубое и воздух мокрый, сладкий.

Лоерке. Я не люблю весну. У нас называют инфосельму, самоубийство много, кто вешается, кто топится.

Ефроня *(подходит к мозаике)*. Вот мне бы еще штук сорок желтеньких и с десяток зеленых. Ты не знаешь где взять? *(Лоерке пожимает плечами.)* Рак у меня. Боли боюсь. У нас лекарств таких нет, и трава не поможет. Знаю. И как так случилось? Еще вчера была, как новенькая копеечка, а сейчас как варенная морковь, хоть меня без зубов жуй, хоть ложкой жми.

Картина третья.

Комната Ефрони. К печке придвинута лавка. Лоерке расписывает печной бок. В комнату входят Сергей Булатович с контрабасом, Ида Сергеевна, Людмила Сергеевна.

Ида Сергеевна (Идушка). Нагрянули в гости Тюха, Матюха и Колупай с братом.

Людмила Сергеевна (Лидушка). Идушка, я тебе говорила, плащ не надевай. Вот теперь точно дождь пойдет

Ида Сергеевна (Идушка). Так и так пойдет. Я во сне лопату видела. А где Ефроня?

Лоерке. Так. На рыбалку пошла.

Людмила Сергеевна (Лидушка). Мало ей одной смерти. Муж ведь у нее утонул. Сколько лет прошло?

Ида Сергеевна (Идушка). В позапрошлом?

Людмила Сергеевна (Лидушка). После пасхи. В том году пасха ранняя была. Они на Уфу ушли, километров три-пять, не больше. Пошел вместе с Зайцем, сосед его, вот заборы у них по оврагу. А Заец ему как старший дядя был, все детство с ним возился. В общем, под лед оба ушли. Ефронин Палыч сначала выплыл из-под льдины, смотрит, а Зайца нет. Он опять за ним под лед, нашел ведь его, вытащил уже мёртвого. Искусственное дыхание пробовал делать. Да какой там? Понес его домой. До соседей дошел, на порог положил и сам замертво упал. С тех пор Ефроня, которая сроду удочку в руках не держала, стала заправской рыбачихой.

Ида Сергеевна (Идушка). Так она на реку ходит рыбам мстить. Наловит ведро. Потом придет и в печи сожжёт.

Людмила Сергеевна (Лидушка). Солнце уже за Куканом, скоро придет.

Сергей Булатович *(подходит к печи и рассматривает роспись)*. А зачем вы на печи рисуете?

Лоерке. Тетя Ефроня мне разрешила. Необычно тут будет. Это собор Фор-Фру Кирке, Церковь Богоматери в Орхусе. Вот тут на фото.

Сергей Булатович. Вы тут жили?

Лоерке. Училась.

Сергей Булатович. Вы могли это каждый день видеть?

Лоерке. Не могла. Сил моих на это не было.

Людмила Сергеевна (Лидушка). Мы не просто так пришли.

Ида Сергеевна (Идушка). Поздравления принесли. Сергей Булатович, давай. *(Сергей Булатович достаёт контрабас и начинает подыгрывать мелодию. Все поют песню на мотив песни «Чунга-Чанга»)*

День рождения с детства любишь ты.

День рождения — дарятся цветы.

День рождения — водим «Каравай».

День рождения — с нами подпевай.

Веселимся мы, как дети.

Праздник знают все на свете — Только раз в году бывает День рождения.

Поздравления и подарки,

И наряды очень яркие — С нетерпеньем ждем всегда мы день рождения.

Людмила Сергеевна (Лидушка). Дорогая Лоерке Лукасовна, коллектив школы номер пять от души поздравляет вас с днем рождения. Наши горячие сердца всегда будут с вами. Примите от нас символический подарок.

Ида Сергеевна (Идушка). Но сначала нужно отгадать, чтоб подарочек забрать.

Людмила Сергеевна (Лидушка).

Не ботинки, ни сапожки,

Очень сильно греют ножки.

В них мы бегаем зимой:

Утром - в школу. Днем – домой.

Лоерке. Ой! У меня нет день рождения. Это ошибка. Я мой праздник делаю месяц назад.

Людмила Сергеевна (Лидушка). А как же, у вас в паспорте написано, что сегодня ваш день рождения.

Лоерке. Это только формальность. Мои родители записали меня так почему-то, уже потом в посольстве. Я родилась в Африке на месяц раньше. Это очень правда. Мне и бабушка всегда это говорила.

Ида Сергеевна (Идушка). Валенки все равно заберите. Пригодятся, зимы у нас холодные независимо от вашего дня рождения.

Лоерке. Не подшиты стареньки, да?

Людмила Сергеевна (Лидушка). У вас в паспорте, как написано русская или датчанка?

Лоерке. Однажды меня, тогда еще девочку, и моего прадедушку, которому было девяносто два года, пригласили в гости в светское общество, где один из уважаемых датчан сказал мне: «Лоерке, вы родились в Дании, значит, вы датчанка». На что мой дедушка, который очень мог ругаться с перцем, ответил: «Сударь, если лошадь родилась в коровнике — это совсем не значит, что она корова...»

Людмила Сергеевна (Лидушка). Так я не поняла, датчанка или русская?

Лоерке. Зачем писать национальность в паспорте?

Ида Сергеевна (Идушка). Вам еще двадцать девять? Может, уже на ты?

Лоерке (*кивает*). Это так по-теплому без официальности, с дружбой.

Людмила Сергеевна (Лидушка). Значит, будем отмечать двадцать девять лет и один месяц.

Женщины накрывают нас стол. Хозяйничают, как у себя дома.

Лоерке (*подходит к Сергею*). У меня дома есть тоже контрабас. Мне его Римас оставил на хранение.

Сергей Булатович. Он музыкант?

Лоерке. Нет, с ним кто-то расплатился так. А потом, когда мне было в душе одиночество, я делала так. *(Она садится за контрабас, обнимает его, прижавшись щекой к деке и дергает струны, издавая протяжный грустный звук.)* Вы приносите мне его в гости, и я буду вспоминать. Вы любите вспоминать?

Сергей Булатович. Я люблю сны вспоминать. Вот увижу во сне что-то хорошее, зацеплюсь за это и долго-долго удерживаю в памяти. Вот недавно видел, что я в новый дом въехал. Там окна большие были. Из окна видно открытое летнее кафе с плетеными стульями, на ветру плещутся белые скатерти. А через дорогу нарядный храм. И мне так хорошо в этом доме.

Ида Сергеевна (Идушка). Лоерке, а ты водку пьешь?

Лоерке. Нет, я люблю пиво.

Людмила Сергеевна (Лидушка). У нас компот есть смородиновый.

Сергей Булатович. А какое пиво вы любите?

Лоерке. «Факс Роял»

Сергей Булатович. Такое не привозят.

Ида Сергеевна (Идушка). Сергей Булатович, сердце наше золотое, надо продемонстрировать русское гостеприимство. Сходи до магазина.

Лоерке. «Туборг» есть во всем мире.

Людмила Сергеевна (Лидушка). Туборг в сиськах не продают.

Лоерке. Это не понятно мне.

Людмила Сергеевна (Лидушка). Пиво в пластиковых бутылках, как «Кока-кола».

Ида Сергеевна (Идушка). А может ты попьешь «Севан Ап» или «Меринду».

Лоерке. Это лимонад?

Ида Сергеевна (Идушка). Да.

Лоерке. Я не очень хочу. Я не люблю.

Ида Сергеевна (Идушка). У Ефрони для хвоста желтых и зеленых пробок не хватает.

Лоерке. Это надо теперь всегда пить мне, да?

Ида Сергеевна (Идушка). А ты вместе с пивом. Будет коктейль «Жигулевское с Севанапом».

Лоерке. Это называется шенди.

Людмила Сергеевна (Лидушка). Что правда пьют пиво с газировкой?

Лоерке. Да. Любят. И в Англии тоже. Хорошо я помогу тогда тете Ефрони. Буду шенди. Я хочу знать сорта русского пива.

Сергей Булатович. Пойдемте со мной. Я вам наш магазин покажу.

Ида Сергеевна (Идушка). Только одна нога здесь, другая там, а то водка испортится.

Сергей и Лоерке уходят

Ида Сергеевна (Идушка) (оглядывается на дверь, потом смотрит в окно, отдернув занавеску. Достает из бюстгальтера фотографию и показывает ее Лидушке). Это она.

Людмила Сергеевна (Лидушка). Это она?

Ида Сергеевна (Идушка). Так себе. Не так чтобы и очень.

Людмила Сергеевна (Лидушка). Где взяла?

Ида Сергеевна (Идушка). Пошла я малину подвязывать. А все теплое как раз постирала. Думаю, может, чего-то на веранде старое есть. Посмотрела, а там под вениками его олимпийка. Он в ней из Казахстана приехал. Помнишь, так и пришел в школу вот в этой кофте и с контрабасом. У него там и трусы были, и зубная щетка.

Людмила Сергеевна (Лидушка). А он мне так понравился, тогда еще. Глаза больные, с конъюнктивитом. Думаю, прижать бы тебя к теплой стеночке, отмыть, накормить, будешь Бандерасом.

Ида Сергеевна (Идушка). Малину подвязываю, а у самой вот ведь прямо жгет и жгет, жгет и жгет, ощущение что уже на лифчике дыра.

Людмила Сергеевна (Лидушка). Это у нее взгляд такой стервы-суки.

Ида Сергеевна (Идушка). Я руку так к груди приложила и нащупала. Прямо рядом с сердцем в кармашке держал. Нос у нее нехороший.

Людмила Сергеевна (Лидушка). И ноги, как калябник.

Ида Сергеевна (Идушка). Это я уж потом нашего Сергея Булатовича с ног до головы одела. Куртку ему купила, джемпер серый с пуговками. Он уж и забыл. Сколько лет прошло?

Людмила Сергеевна (Лидушка). В девятом он приехал. У нас еще капитальный ремонт в школе был и Щипачиха умерла.

Ида Сергеевна (Идушка). Я тогда на первую категорию сдала.

Людмила Сергеевна (Лидушка). Первый «Кировский» открыли.

Ида Сергеевна (Идушка). А в октябре одиннадцатого он меня бросил, уехал в Екатеринбург. Вот за что меня не любить? У меня вот тут родинка есть под коленкой. Сама удержаться не могу, расцеловать хочется.

Людмила Сергеевна (Лидушка). А со мной он, может спит из-за должности? Я все-таки директор школы, а ты учитель химии, хоть и с высшей категорией.

Ида Сергеевна (Идушка). С тобой не жалко. Пусть и у тебя побудет. Если бы я захотела, то давно бы директором стала. Ты меня какой год на завучество толкаешь. Только мне эта административная деятельность до одного места. Я человек свободный.

Людмила Сергеевна (Лидушка). Иногда ночью проснусь и думаю, думаю, уснуть не могу. Опирается надо на крестьянскую общину. Подход к реформированию, развитию школы должен быть особенным, учитывающим специфику земледельческого труда, производственных и национально-культурных традиций. Может часть трудов заменить «Технологией». Конкретной – слесарное дело или плотницкое. *(Пауза.)* Однажды вот так не сплю. чего-то он заметался. Я его так шепотом: «Спи, мой милый, тише, я рядом». А он так зло: «Уходи, уходи». И имя ее сказал.

Ида Сергеевна (Идушка). Какое?

Людмила Сергеевна (Лидушка). Да вот, забыла. Не наше имя. Пока не спала, помнила, а потом проснулась, и все как смело из головы.

Ида Сергеевна (Идушка). И я его спрашивала про прошлое, улыбнется и отвернется. Или встанет и давай половицами скрипеть. Или в сени выйдет и завоет своим контрабасом. То ли жива, то ли померла. А может, сожжем ее к чертовой матери.

Людмила Сергеевна (Лидушка) Нет, нельзя. Ведь переживает, какую-то свою жизнь потерял. Я лучше ему отдам.

Ида Сергеевна. (Идушка). Ну и дура ты, Лидушка. Он вот на тебе поэтому до сих пор и не женится. Извести ее надо. И пепел с пшенкой курам скормить. *(Берет половое ведро, стоящее около печи, рвет туда фотографию.)* Вот так ей, вот так-растак. Чтобы мой Сергей к ней не ходил...

Людмила Сергеевна (Лидушка). А почему твой?

Ида Сергеевна (Идушка). Тут без разницы. Был мой, стал твой.

Людмила Сергеевна (Лидушка). Нет, ты правильно говори.

Ида Сергеевна (Идушка). Хорошо. Чтобы твой Сергей к ней не ходил. Чтобы он ее не желал, не любил. Чтобы он ее за руку не брал и в уста алые не целовал. На перину с ней не ложился, никогда бы с ней не любился. Деток с ней не рожал, не скучал по ней, не страдал. В воде, в вине ее запивал, в еде ее заедал. На ум, на мысли ее не брал, во снах ее засыпал. Не будут рядом они сидеть, и друг на дружку не будут глядеть. Две разные дороги им и два пути, и вместе им уже не идти. Я силу твою узнаю. Я тебя на замок закрываю. И на семь ключей замыкаю, чтоб тебя никто не забрал и мое слово не перебил, и мое дело не погубил. *(Берет метелку и черенком перемешивает обрывки фотографии.)* Губы. Зубы. Ключ. Замок. Язык *(Выбрасывает кусочки фотографии в печь. Молчит. Смотрит на огонь.)* Я открытый урок проведу по закреплению ряда диеновых углеводородов. На основе их полимеризации можно получить синтетические каучуки. А Наталия Валерьевна пусть подготовит по натуральному каучуку. Потом в Сергах интегрированный урок-семинар проведем.

Картина четвертая.

Горница Ефрони. Идушка и Лидушка сидят, обнявшись за столом. Сергей и Лоерке заносят Ефронию в рыбацком облачении: в стеганых штанах и куртке с мужского плеча. Она без сознания. Кладут женщину на кровать.

Идушка и Лидушка раздевают ее.

Лоерке. Надо к врачу. «Скорую помощь».

Людмила Сергеевна (Лидушка). Сегодня день какой?

Ида Сергеевна (Идушка). Четверг.

Людмила Сергеевна (Лидушка). Завтра только будет. Идушка, к Захарихе беги.

Лоерке. Почему так?

Людмила Сергеевна (Лидушка). У нас «Скорая» только два дня в неделю работает.

Ида Сергеевна (Идушка). Захариха к дочери в Салду уехала. Я ее вчера на автостанции видела.

Лоерке. Так не бывает.

Ида Сергеевна (Идушка). Это у вас не бывает, а у нас все бывает. Таблетки у нее какие-нибудь есть?

Лоерке. Нет, она не ест их, говорит, это химия.

Ида Сергеевна (Идушка) Дай-ка я. *(Начинает ее трясти и хлопать по щекам. Потом берет воду и брызгает ей в лицо.)* А что ей химия-то плохого сделала? Ломоносов считал, что применение химии имеет двоякую цель: одна – усовершенствование естественных наук, другая – умножение жизненных благ. Ну, Ефронечка, выдохни. Что, ее напугать, может?

Людмила Сергеевна (Лидушка). Война.

Ида Сергеевна (Идушка). Лидушка, тащи кастрюлю с поварёшкой. *(Лоерке.)* Ты тоже не стой столбом. Какую-нибудь грамоглась придумай. Сережечка Булатович, а ты давай «Войну народную».

Сергей Булатович. Я не умею.

Ида Сергеевна (Идушка). Надо научиться, и немедленно. Девчонки, давайте гремите. Изо всех сил. *(Лидушка и Лоерке неуверенно стучат железной посудой. Сергей Булатович подбирает музыку.)* От советского информбюро. Войска Четвертого украинского фронта, продолжая наступление в полосе Западных Карпат, с боями заняли крупные населённые пункты Ласков, Орлова, Дембовец, Гордзишув, Турзовка, Длге поле, Великое ровне, Штявник, Папрадно, Модлатин. В боях за первое мая войска фронта взяли в плен более пяти тысяч немецких солдат и офицеров и захватили сто девяносто шесть полевых орудий. На других участках фронта существенных изменений не произошло. За первое мая

подбито и уничтожено тридцать семь немецких танков. В воздушных боях и огнём зенитной артиллерии сбито десять самолётов противника.

Ефроня (*приподнимаясь*). А в сельпо мыло завезли?

Ида Сергеевна (Идушка). Кино и немцы. Великая сила искусства. Драмкружок имени Марата Казея.

Ефроня. Водку купили? (*Все кивают?*) Это как раз. Это ко времени. Налей, Сережа, поухаживай за бабушкой. (*Сергей Булатович подносит стакан ко рту Ефрони.*) Ну-ка, душа, подвинься. (*Пьет.*) Вечерами бабулька моя часто варила картошку «в мундирах». В плошку насыпала соль и наливала рыбий жир. Мы чистили картошку и макали её туда, а она все приговаривала, приговаривала: «Ешьте, ребятишки, как будто с селёдочкой».

Лоерке. А в Швеции делают тухлую селедку сюрстремминг. Это можно есть только с прищепкой на нос.

Ида Сергеевна (Идушка). Ефроня, в больницу тебе надо.

Ефроня. Не поеду. Тута умирать буду. Вы меня повыше похороните, ближе к Самосудам. Там земля посуше, песочек, червей не так много. Да. И домовину, когда понесете, не забудьте три раза о порог стукнуть, я с домом должна проститься.

Лоерке. Надо лечиться. Разные стадии рака операбельны. Есть медикал клиники в Европе, Израиле.

Людмила Сергеевна (Лидушка). На Луне.

Лоерке. Почему на Луне?

Людмила Сергеевна (Лидушка). Потому что это одно и то же. Где Израиль, и где Михайловск.

Лоерке. Это не по правилам. Нужно оформить страховку, Она же получает социальные гарантии. У нас любой пенсионер имеет возможность лечиться и даже домашний медперсонал. Так не должно быть. Государство обязано предоставить свои субсидии за войну, голод, за трудную работу.

Ефроня. Тяните жилы, покуда живы, а порвались – и не годились. Девятнадцать лет проработала в кочегарке. Зимой нас Морозушка и до сорока жарил. Уголь застынет весь. Его сначала тещенькой разобьёшь и только потом в топочку. Продыху не было. В холода до четырех тонн перекидывала. Вот этими-то рученьками. Я этой угольной пылью, кажется, только что не срала. А чистота у меня была. Сама занавески в каптёрку сшила, гераньку поставила, половики бросила. А сейчас, что уже сделаешь?

Ида Сергеевна (Идушка). Была она в нашей поликлинике. Ей сказали, что химиотерапию поздно делать. А на обезболиватели квота.

Сергей Булатович. У нас в России государство отделено от народа. Они там живут по своим законам, а мы уже очень давно приспособились как-то и без них обходиться. Своими силами. Вот потому нас и не задушишь, и не убьёшь. Замучаешься. У вас в

Европе цветочки на огородах, а у нас картошка. Неизвестно, что завтра будет, а зиму-то все равно переживем.

Лоерке. Так деньги надо тогда самим собирать.

Людмила Сергеевна (Лидушка). А кто даст? Так, рублей пятьдесят-сто подкинут. У всех своей-то копейки нет, не то что лишней. Так это только ей до Екатеринбурга доехать. А некоторые вообще рукой на Ефроньку махнут. Вроде чего ей – уж и так зажила. В прошлом году Скворцовой собирали, у нее у дочери лейкемия. Умерла.

Сергей Булатович. Мне не жалко. Я дам. У меня никого нет.

Людмила Сергеевна (Лидушка). Сергей Булатович, ты что же говоришь? А я?

Сергей Булатович. Ну у тебя же нет рака.

Ида Сергеевна (Идушка). У меня на половину шубы накопилось. Все равно не для кого носить. Завтра с книжки сниму.

Лоерке. Существуют благотворительные программы. Нельзя вот так давать человеку умирать.

Людмила Сергеевна (Лидушка) (Сергею Булатовичу). Ты что же, совсем меня игнорируешь?

Сергей Булатович. Не об этом речь сейчас Людмила.

Людмила Сергеевна (Лидушка). Нет, как раз об этом. Ты со мной уже полтора года спишь?

Сергей Булатович. Да, сплю. Вот именно сплю. А я жить хочу: летать, любить, запахи чувствовать, язык от боли прикусывать. А я сплю. Сплю! Сплю! Сплю! Может, только когда умру, тогда и проснусь? Зачем Ефроне жизнь спасать? Дайте ей спокойно уйти. Лучше там.

Ефроня. А и то, Сережа, правда твоя. Заждался меня уже покойничек мой. Я главное поняла, а больше тут учиться нечему. Вот мы как рождаемся, так все к себе и тащим. Вона он еще малехонький, а уже туда: «Мое. Не дам». Потом тумбочка, потом шкафчик, и вторые калоши, блестящие тоже хочется, и велосипед. И вот уже хорошо живем. На похороны, конечно, все дадут. А как просто так, зажмутся, еще думать будут. А ведь в этой жизни твое – это то, что ты отдал. Там только по этому счету человека меряют.

Людмила Сергеевна (Лидушка). А я не дам. У меня, между прочим, зарплата девятнадцать тысяч рэ в месяц и мать пенсионерка. Ефроня свою жизнь прожила. А мне Валерика выучить еще надо. У него поступление в этом году. А если он бюджет завалит, кем он тут будет?

Лоерке. У меня в Дании есть деньги. У меня больше никого нет, и мне не надо спрашивать разрешения. Я поеду в Данию и привезу деньги.

Людмила Сергеевна (Лидушка). Раньше, когда женщин продавали на базаре, рабыня с детьми стоила в два раза дороже девственницы.

Ефроня. Тучка пришла. Над домом встала. Дождик пойдет. *(Пошел дождь и по столу и посуде запрыгали капли дождя.)*

Людмила Сергеевна (Лидушка). А потому что детьми уже доказала свою эффективность. *(Все слушают шум дождя по крыше.)* Ефроне еще и крышу надо чинить...

Ида Сергеевна (Идушка). Я тебе говорила, что во сне лопату видела.

Ефроня. Не все ненастье - будет и ведро. А про рыбок я и забыла. Сережа тащи ведро, сейчас рыб казнить будем.

Сергей Булатович. Может, казним не через сожжение, а поджаривание и съедение? Там такой у тебя подлещик чудный и язь.

Картина пятая.

Лоерке и Сергей сидят на открытой дощатой веранде дома Ефрони. На перилах, на ступеньках расставлены декоративные свечи. Идет дождь, Сергей играет на контрабасе. Лоерке по одной зажигает свечи.

Лоерке. У нас в Дании, когда праздник, всегда зажигают свечи. Много. И вешают флаги везде: и на стол, и на дом, и даже как гирлянды.

Сергей Булатович. А разве сегодня праздник?

Лоерке. Говорят, что гармония там, где у человека есть место. Я сегодня буду скучать. У меня нет дома в Дании, у меня нет дома в России? Значит меня нет. *(Встает на табуретку.)* У нас это называется аффёринг, а у вас смешное слово. Я никак не могу его запомнить.

Сергей Булатович. Табуретка.

Лоерке. Таберетка.

Сергей Булатович. Нет, табуретка.

Лоерке. Почему в мире разные языки? Это так раздвигает людей.

Сергей Булатович. Когда я маленький был, то жил в коммуналке. Это большая квартира, в ней было девять комнат. И в каждой жила семья. У нас соседи были, они, когда дрались, то защищались друг от друга табуретками, держали их перед собой как щиты. А еще был сосед Шабалин Иосиф Петрович. Он преподавал музыку. А играть на контрабасе ходил на крышу. Соседи ругались. Громкий инструмент.

Лоерке. Вы ему были компания?

Сергей Булатович. Папа записал меня в конную секцию. Он гусар очень любил, стихи Давыдова, знал наизусть и не разрешал покупать контрабас. Я все лето проработал на конном заводе, там порода такая местная костонайская, и на эти деньги купил у Иосифа Петровича вот этот контрабас. Он мне тогда еще набор пластинок подарил Баха. И сказал: «Это наполнит твою жизнь смыслом». А потом достал из кармана пачку презервативов польских и продолжил: «И это тоже наполнит твою жизнь смыслом».

Лоерке. А где вы научились чинить крышу?

Сергей Булатович. В тюрьме.

Лоерке. А меня мой Римас бил. Это не всегда было больно. Это вот здесь (*показывает на голову*) было больно. Теперь он тоже в тюрьме. Так должно быть. Я его спасла и общество от него спасла. Всем сделала хорошо. В Дании хорошо могут жить люди со слабой волей и неразвитым чувством долга. Они бессовестно пользуются государственными деньгами и не идут работать, находят для этого разные причины, а свободное время тратят на распитие алкоголя и приобщение к наркотикам. А за что вас засадили?

Сергей Булатович. Вы ему пишете?

Лоерке. Он мне снится. И у меня к нему такая нежность. Я понимаю, что нам нельзя прикасаться друг к другу. Но мне так хочется его погладить, и я так чуть, совсем чуть коснусь его кожи, а у самой плеч мой в ушах стоит.

Сергей Булатович. Ее звали Саулет. Она стояла у фонтана на проспекте Достык. Это было в Алма-Ате. Я там жил, и она. У нее платье было красное, как мак, и оно от воды слиплось на ней, обтянуло ее. Я подошел и говорю: «У вас платье намокло». А она мне ответила: «Зачем говорить, когда не просят». Ушла. А я стал туда ходить почти каждый день и однажды увидел. Она стояла там же. Это было четвёртого октября, две тысячи первого года.

Лоерке. Вы ее полюбили?

Сергей Булатович. Я потерял ее фотографию и уже начинаю забывать. Меня осудили на два года. Обворовал цветочный магазин.

Лоерке. Для нее?

Сергей Булатович. Она сказала, что песню любит про желтые хризантемы. И я купила много желтоватых, как фонари в провинциальном прошлом, намокших, грустных, грузных хризантем... Она не снится мне. Я так этого хочу. У нас был дом, а в доме была кровать, и стол, и любовь. Она мыла окна, а я смотрел на нее сквозь бутылку из зеленого стекла. Ее руки, ноги удлинились, а глаза становились как две вытянутые гитары. У нее были разные глаза. Она никогда не носила босоножки, потому что большой палец на ноге у нее был короче второго. Она много говорила и редко смеялась.

Лоерке (*протягивает руки под дождь*). Интересно, люди есть, которые дождь не любят? Я так думаю, все люди любят дождь. Ведь эти капли – вроде наши слезы. Человек поплачет, и ему легче. И дождь пройдет - всегда хорошо везде. Как будто за тебя кто-то заплакал. А может, это Бог?

Сергей Булатович. Я не верю в Бога?

Лоерке. А как так можно жить?

Сергей Булатович. Я верю в людей, в предназначение каждого человека делать хорошие поступки или плохие. Это и движет судьбами.

Лоерке. Нет, так не может быть. Человек не может быть всегда только плохим. Человек может исправляться, если поверит в Бога.

Сергей Булатович. У нас есть поговорка: «Черного кобеля не отмоешь добела». Либо ты сволочь, либо - порядочная сволочь.

Лоерке. Так плохо жить.

Сергей Булатович. Может, не стоит искать истину, рационализм, логику в абсурде, а стоит просто отдаться течению жизни, чтобы найти в себе хоть крупицу смысла. Если однажды поймешь это, то станет жить легче.

Лоерке. А вдруг она вернётся?

Сергей Булатович. Она уже однажды ушла и, значит, сделает это еще.

Лоерке (*уходит в дом, возвращается с книгой*). Это «Евгений Онегин». Ваш Пушкин. А рисовала моя прабабушка. Это было в тридцатые годы, когда она скучала по России. Это была ее сублимация. Но моя бабушка знала тут всю книгу почти наизусть. Вот это Ленский, это Татьяна с Ольгой ждут прихода Онегина. А это Таня пишет письмо. Вот тут смерть. А знаете, как в детстве меня называла бабушка? Русалочкой, а дедушка смеялся и исправлял бабушку: «Ну какая же она Русалочка, вырастет и станет бабой. Просто водяной бабой». Сохрани ее. Я буду скучать. Но я вернусь. Я уеду скоро. Не навсегда. Я привезу все деньги сразу. Тетя Ефроня поедет в старую клинику в Германии на территории Гейдельбергского университета. Там ее вылечат.

Сергей Булатович. Вам нельзя здесь жить. Скоро зима. А Русалочки в наших водах не выживают.

Лоерке. Мне надо тут быть еще. Я должна узнать, что такое «Мороз и солнце, день чудесный». Я все это вытерпеть могу. Ведь я русская. Моя бабушка всегда говорила мне, что она знает, чем отличаются русские от других.

Сергей Булатович. Она родилась уже в Дании?

Лоерке. Да, но это не важно. Семья сохранила все - даже наши руки. Посмотри на мои пальцы, они русские, не умеющие трудно работать.

Сергей Булатович. Это не наши руки. Вот наши руки. Такими руками Целину сделали, БАМ. Мой отец родился в Казахстане и в палатках в степи растил хлеб. Там и с мамой познакомился. Она приехала из Ленинграда.

Лоерке. Все так. Русские больно терпеливые. Да. Это ваше достижение и главный недостаток. Русские выиграли войну, но до сих пор могут ходить в мороз в неотопливаемый туалет. Как так можно? (*Пауза.*) Сергей Булатович. Вы мне непонятны. Я

таких в Дании не знаю. Вы можете починить крышу, и вы играете на контрабасе, вы спортсмен по коням и шофер. Я хочу быть русской просто бабой и вас любить,

Сергей Булатович. Оставайтесь Русалочкой. С бабами я уже все знаю.

Лоерке. Я хотела бы тебя назвать хюгли фиа. Это трудно перевести на русский. Ну как мужчина, с которым хорошо. Даже не так. Но это очень приятно, комфортно, как у русских, когда душа улетает. У всех датчан есть такое понятие прекрасной жизни. Сидеть у печки, и испытывать бюгелиг.

Сергей Булатович. Я буду играть для тебя, ты мне будешь читать «Евгения Онегина», и долго-долго будет идти дождь. И ты запомнишь этот день и будешь рассказывать своим датским детям про русскую любовь.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ.

Картина шестая.

Кабинет директора школы.

Людмила Сергеевна (Лидушка) (*поливает цветы*). Когда Наполеон обвенчался с длинноносой Марией Луизой, Жозефина написала ему письмо: «Ради благополучия Франции я отпускаю своего Наполеона. Я принесла большую жертву, Государь, и чувствую с каждым днем все больше ее величину; однако эта жертва, которую я приняла на себя, будет доведена до конца. Счастье Вашего Величества ни в коем случае не будет омрачено никаким выражением моего горя». Это даже хорошо, что Сергей Булатович не женится на мне, значит, и не разведется. Я бы этого не пережила. Ведь я понимаю, что я всего лишь крючок, на который удобно вешать штаны. Как-то у него сломалась машина, и мы поехали в Екатеринбург на рейсовом. Надо было на рынок: Валерику к школе купить, ему куртку, мне юбку новую. У нас тогда всю сумку порезали, а деньги так и не нашли. Я пачечку в серединку положила и всякой ерундой закрыла. Не нашли гады. Как я тогда была счастлива. И не потому, что деньги остались целы, а потому что мы как бы семья: идем, покупаем, меряем, торгуемся. Вот так у всех на виду. Поглядите, у меня есть муж.

Ида Сергеевна (Идушка). А я отравлю ее. Приехала тут на нашу голову. У нас и для русских женщин мужиков не хватает. Мы нашего Сергея Булатовича так просто из семьи не выпустим.

Людмила Сергеевна (Лидушка). Объявим ей бойкот.

Ида Сергеевна (Идушка). У Ефрони в кладовке целая банка сушеной бирючины лежит. Она мне давала.

Людмила Сергеевна (Лидушка). Зачем?

Ида Сергеевна (Идушка). Травка мои хотелки умирят. Перед сном на кончике ножа можно. Зато сплю спокойно и не думаю, как к Койдышу лысому сбегать или к Мокше.

Людмила Сергеевна (Лидушка). Ну иногда, ради женского здоровья и можно.

Ида Сергеевна (Идушка). Это уж последнее дело. Что я себя на помойке нашла? Но мысли такие посещают.

Людмила Сергеевна (Лидушка). Надо будет у Ефрони тоже взять. Помогает?

Ида Сергеевна (Идушка). А что, Лидушка, делать? Опять будем вдвоем песни Стаса Михайлова слушать. Он хоть и с тобой спит, да по старой памяти и мне поможет. В прошлом году дровяник мне крытый сделал. В этом году обещался экскаватор пригнать, водопровод провести. Что теперь я из-за нее без воды буду жить?

Людмила Сергеевна (Лидушка). Я без рисования и английского останусь. И дети ее любят. Я разрешила ей граффити в учебный план внести. Так у нее теперь посещаемость. А английский? У меня Валерику в этом году поступать. Он уже и переводить там чего-то начал. В Серги не наездишься.

Ида Сергеевна (Идушка). Ну ты уж решай, подруга. Кто тебе важнее, Сергей Булатович или Валерик.

Людмила Сергеевна (Лидушка). Сейчас Валерик, а потом он уедет учиться, тогда только Сергей Булатович.

Ида Сергеевна (Идушка). А мы с ним в консерваторию ездили. Слушали второй концерт си минор для контрабаса с оркестром Джованни Боттезини. Я в антракте так эклерами объелась с пепси-колой, что еле до конца досидела. Потом мы на автобус опоздали и всю ночь ехали в товарнике. Едем, покачиваемся, тепло. Наш мне тогда рассказывал про горы, звезды. Как в ночное с лошадьми ходил. Про своего Холстомера. Обещал, что я все это увижу. *(Пауза.)* Я заявку на «Давай поженимся» отправила.

Людмила Сергеевна (Лидушка). Никого он не любит. Только свой контрабас. По-хорошему бы его отравить.

Ида Сергеевна (Идушка). Жалко. Вымирающий тип – умеренно непьющий. И в чем теперь в Москву ехать? Я все деньги с книжки на лечение Ефрони отдала.

Людмила Сергеевна (Лидушка). Я тебе деньги дам.

Ида Сергеевна (Идушка). Валеркины не возьму.

Людмила Сергеевна (Лидушка). Валерик, Валерик. У Валерика уже пиписка выросла. Спит с Фроловой из четвертой школы. Раз уже научился, значит, уже пора и от материнской юбки отрываться. Ну не поступит в институт, в колледж пойдет. Все равно здесь не останется. Там девку найдет, женится. Все - отрезанный ломоть. Девочку надо было рожать, она всегда с матерью.

Ида Сергеевна (Идушка). Может, тогда деньги лучше Ефроне отдать?

Людмила Сергеевна (Лидушка). Отжила свое наша Ефроня. А у человека должна быть мечта. Идушка, а вдруг у тебя получится? Ну бывает же она любовь эта – и мимоза восьмого марта, и мужские трусы в шкафу стопочкой. Ты в ресторан с будущим мужем в пуховике с искусственной кошкой пойдешь? А это Москва. Белье тебе еще надо купить. Хороший комбридесс в телемагазине рекламирует. Знаешь, сколько стоит? Я бы удавилась - не купила, а тебе надо. *(Пауза.)* Помнишь, мы с тобой однажды нарядились и в Свердловск поехали? Идем по Ленина и как будто иностранки на тарабарщине разговариваем.

Ида Сергеевна (Идушка). Мужика на остановке напугали. Пристали к нему.

Людмила Сергеевна (Лидушка). А пончики на Свердлова, помнишь?

Ида Сергеевна (Идушка). А как куртку в комиссионный на Малышева пошли обратно сдавать, потому что мать тебе не разрешила в такой ходить.

Людмила Сергеевна (Лидушка). Надо было тебе в театральная Идка поступать. Такую историю придумала, что даже у директрисы кровь носом пошла.

Ида Сергеевна (Идушка). Ой и дуры были. Надо на Уфимку сходить, в дупле проверить. Ты боялась палец резать?

Людмила Сергеевна (Лидушка). Боялась.

Ида Сергеевна (Идушка). И я тоже. Но думаю, ты на меня обидишься.

Людмила Сергеевна (Лидушка). А я думала ты на меня.

Ида Сергеевна (Идушка). Птицы уж давно нашу бумажку на гнезда растащили.

Людмила Сергеевна (Лидушка). Клятва кровью трех «В».

Ида Сергеевна (Идушка). Всё. Всегда. Вместе.

Людмила Сергеевна (Лидушка). А пельмени на Пушкина. *(Пауза.)* Какие там симптомы?

Ида Сергеевна (Идушка). Что?

Людмила Сергеевна (Лидушка). Ну какие там симптомы? Рвота, понос.

Ида Сергеевна (Идушка). А... Отравления могут возникать при одновременном или последовательном поступлении в организм двух или нескольких веществ. Различают следующие виды комбинированного действия: суммирование, потенцирование, антагонизм, независимое действие. Особенно опасны случаи потенцирования, когда одно из веществ усиливает действие другого. Это если еще настойку дать на белокрыльнике болотном. Тогда причиной потенцирования может быть угнетение одним веществом ферментов, участвующих в детоксикации другого вещества. Летальный исход. Во сне. Ей не больно будет.

Людмила Сергеевна (Лидушка). Так Ефроню посадят.

Ида Сергеевна (Идушка). Кому она в тюрьме больная нужна? Лечить ее за государственный счет? Там ведь тоже работать надо.

Людмила Сергеевна (Лидушка). Значит подавать заявку в управление образования на англичанку и художника.

Ида Сергеевна (Идушка). Сколько он у тебя не был?

Людмила Сергеевна (Лидушка). Две недели.

Ида Сергеевна (Идушка). Неправильно мы с тобой профессию выбрали. Помнишь, нашу старосту Орлову, с косой еще ходила. Она потом в Первоуральске в школе работала. Уже на вторую категорию сдала, а потом ушла и устроилась в алкогольный магазин кассиром-продавцом. Ну и когда один мужчина зайдет, она ему вроде: «Вот не поможете, что-то с телефоном случилось, ни один контакт не могу найти. А мне ведь и уйти нельзя, и надо срочно позвонить». То да се. Мужик: «Давайте проверим». И со своего ей телефончика и позвонит. Вроде как, чтобы контакт проверить. Считаю, сразу же и телефонами обменялись. Все. Она уже почти три раза чуть замуж не вышла.

Картина седьмая.

Горница Ефрони. Картина на печи уже почти дорисована. Ефроня ходит по дому, Лоерке по пятам за ней.

Ефроня. Мочушки моей нету больше. Я как помру, ты не бросай моего Домовушка. Кашку вари ему. Он на молоке не любит, но маслица положи обязательно. Тащи отвару. Да не цеди. Пользительнее будет.

Лоерке *(наливает в кружку отвар)*. А варить размазню или густо?

Ефроня. Да как придется. Он непривередливый. Ой, мочешки моих нету. Вон тот сундук открой.

Лоерке. Там замок.

Ефроня. Ключ за Богородицей. Тута все мое похоронное.

Лоерке. Я не могу это смотреть. Сколько мне можно хоронить моих бабушек. Я же сказала вам, что надо потерпеть еще три недели. Вам уже и визу делают. На следующей неделе Сергей Булатович в Екатеринбург вас будет отвозить. А потом надо только меня подождать. И сразу поедет. Прямо полетит. Только мне все устроить надо.

Ефроня. Открой, говорю. Я тебе другое важное покажу. *(Лоерке открывает сундук.)* Там в уголочке правом мешочек видишь, подай его мне. *(Берет мешок, аккуратно достает черепки от глиняного горшка.)* У нас, когда свадьбу играют, то горшок в печку бросают. Сколько черепья, столько и молодых деток. Пять. Пять раз мне помогали, все заслонки в

печи открывали. *(Складывает черепки обратно в мешок.)* Нету моих сил больше. Нестерпимое терпеть — терпение. *(Отламывает ветку от метелки и мешает ею в кружке с отваром. Подходит к крюку на потолке.)* Все малолетство в люльке на этом крюку провисела. А для наших деток он так и не согдился. Все пять так и схоронены. Вот такие гробики. Забыла девкам сказать. Тоже пусть со мной положат. Чертушки-братушки, скорые ребятушки. Скорейше идите, подарок мой заберите. Ижно нет мне ни дыху, ни продыху. Как месяц в небе убывает, так и болезнь с меня убывает. Как эта ветка в воде уплывает, так и вся болезнь меня оставляет. Ребятушки-чертенятушки, сядьте на челнок, а то не челнок, а ветка-дубок. Вам на ней кататься, а мне без болезни остаться. Слово, дело не переломить. Ключ, замок и ломаный дубок. *(Вытывает.)* Я ведь недопеченная родилась — сразу заболела. Меня в этой самой печи и перепекали. Прямо на лопате засовывали. Выжила.

Лоерке. Русские все могут вытерпеть.

Ефроня. А я и терплю. Терпение - хорошо, если не терпеть всю жизнь. Только за жизнь всю и моего терпения не осталось. Как это в «Огоньке» было пропечатано. Сейчас вспомню. А. Лёгкой жизни просим мы у бога, легкой смерти надо бы просить.

Лоерке. А мир вы не хотите повидать? Он безграничный и прекрасный, и удивительный. Вот море, я не знаю, что еще может быть так хорошо.

Ефроня. Вечер после покоса. Трава подпреет, запах стоит, что в аптеке, гнус угомонится, и душа от сделанной работы радуется. *(Поднимает голову к потолку, смотрит на крюк, вбитый в потолочную балку.)* Всю жизнь ты мне глаз мозолил.

Лоерке. В Гейдельберге хорошо очень. Руины сохранили Старого замка. Это так красиво. Там Фауст учился.

Ефроня. Из Гете? Помню. Как там его любовь-то звали. Маргарита?

Лоерке. Это очень живописно. Город не слишком большой, даже маленький как Михайловск, на берегу реки Некар. Так крыши черепичные, лес, горы и руины замка. Тут такого не увидишь.

Ефроня. Все, что мне нужно было, я увидела. Северное сияние хотела увидеть. Из дому сбежала после восьмилетки и в артель давай. Там по Ангаре даже летом льдины плавают. Мы, дуры, на них загораем. Ох и болела. Нету моей мочюшки. Застудила я там все поженски. А хантыйка меня лечила *(показывает на низ живота)* туда бутылку совала с горячей водой. Еще очень хотела Олега Попова увидеть, нашего клоуна. Он в цирк приехал даже, в Свердловск. Я билеты купила. На себя и Павлушу моего. Ой сил моих нет. Ждали мы, ждали. Дни считали. Вот, думаю, посмеемся-то на слову. А как ехать, у нас на кочегарке авария и робить некому. Ой порешу себя. У меня там в кладовочке ядовитый порошок есть, сама в баньке сушила, сама в ступке мельчила. Только ведь если выживу. Нет, надо наверняка. Так мы и не поехали, я билеты нашим пионерам отдала. А потом к Клавдии зашла за чем-то, уж и не помню. Вон через два дома. А к ней сын приехал, известный певец тогда был, в Москве жил, по телевизору его показывали. А с ним друг его. Сидит без кепки его и не узнать. Я с ним чайку пошвыркала, про жизнь полалакала. А это, оказывается, он и был, Олег Попов. *(Забывается.)* А вот разом, если ты не приедешь.

Лоерке. Приеду. Я взяла уже на себя все юридические обязательства. Закон нарушать нельзя.

Ефроня. Ну значит, потерплю мил-сердешная, значит, потерплю. Дай справиться, и нам будут кланяться. *(Забывается.)* А вот что еще. С детства все забывала спросить. Помру ведь и так и не узнаю. Что такое бенуар? Наверное, из французских романов еще в моей голове зацепилось. Вот будуар я знаю, а бенуар нет.

Лоерке. Это в театре есть такие балконы. Там удобно сидеть и все на сцене видно. Я однажды в театре в Копенгагене присутствовала наша королева Маргрете. Она даже придумывает костюмы для спектаклей.

Ефроня. Вот в театре я не была. Да и не хотела. А вот теперь бы увидеть эти бенуары. Зачем-то ведь я помнила про них всю жизнь. Есть в твоём немецком городе театр? *(Засыпает.)*

Картина восьмая.

Горница Ефрони. Бабка спит на кровати. Лоерке раскладывает похоронные вещи из сундука. Входит Идушка.

Ида Сергеевна (Идушка). Спит, уже хорошо. Как ты тут справляешься, сестра милосердия? И надо тебе это? Сидела бы в своей игрушечной Дании и сказки Ганса Христиана Андерсена читала. И мне грех на душу не брать.

Лоерке. Зачем грех на душу брать? Это нельзя.

Ида Сергеевна (Идушка). Наверное, нельзя. Только ведь никто не узнает. Я вот тут тебе пирожков напекла с соленой черемшой. Растет у вас там черемша?

Лоерке. Я не знаю такой сорт. Это что есть черемша?

Ида Сергеевна (Идушка). Травка такая, первая, на щавель похожая. Мы ее в кадушечках заготавливаем. Сложим, посолим и под гнет. А потом с ней хоть суп вари, хоть со сметанкой, а можно и в пирожки. Она с кислинкой, зато с витаминкой. Попробуй.

Лоерке. Так я не могу есть одна. У меня есть такое психическое расстройство. Сейчас я поставлю чайник. Только он тут на газу долго кипит, а печь я еще не топила.

Ида Сергеевна (Идушка). Научилась?

Лоерке. Да. И даже газовый баллон менять. Вот таким ключом. Я это не понимаю, почему у вас в России, где газ палкой ткни, его нет, а у нас в любом маленьком поселении газ есть.

Ида Сергеевна (Идушка). Так в этом и есть наша классовая с вами непримиримость. Например, почему у вас в Европе мужчин так много, что они уже друг на друге женятся.

Лоерке. А... вас тоже волнует проблема гомосексуализма.

Ида Сергеевна (Идушка). Что ты. Ночами не сплю. Так волнует. Так волнует.

Лоерке. Парламент Дании принял закон, обязующий все церкви проводить обряд венчания для гомосексуальных пар. Но священник может отказаться, тогда ему найдут другого.

Ида Сергеевна (Идушка). Ну хоть так. А ты крещенная?

Лоерке. Да, я православная. Меня крестили в женском монастыре святых Царственных Страстотерпцев. Я там знакома с Татьяной Сергеевной Лодыженской-Мейнерс. Она дружила с моей прабабушкой. Княгиня была дочерью камер-юнкера Лодыженского, личного помощника супруги Императора Александра III, Императрицы Марии Фёдоровны, дочери датского короля Христиана IX.

Ида Сергеевна (Идушка). Это я что, практически на монаршескую особу покушаюсь?

Лоерке (*накрывает на стол*). Ее уже нет. Она была такой русской. Да. У нас еще есть сыр. Только его даже есть нельзя. Он очень невкусный. Его Ефроня для мышек покупает.

Ида Сергеевна (Идушка). Отраву на него кладет. Травит так?

Лоерке. Нет. Как бы за кошку свою прощения просит, которая их ест. Пусть и им что-то вкусненькое в жизни будет. Мышкам сыр нравится.

Ида Сергеевна (Идушка). Точно в рай попадет. Посмотрит на меня оттуда и скажет: «Эх Идушка, ты Идушка. И не Идушка ты, а Иудушка». Может, с тобой пирожков поесть - и лети оно все с Манькиной горки. Вот ты, знаешь, зачем в этом мире мы живем? Вот зачем ты на свет появилась?

Лоерке. Знаю. Моим предкам не должно быть стыдно за мои поступки. И даже сейчас, хотя их и нет на этом свете, надо жить как они. По законам совести. А мои дети появятся, и они так будут жить. И так если все будут думать и жить, мир станет прекрасным. Это и есть главный смысл жизни. Жить по правилам.

Ида Сергеевна (Идушка). А если детей нет? Кто увидит твою праведную жизнь? Кого учить?

Лоерке. Ну есть другие люди, которые будут смотреть на твою жизнь, и им стыдно станет, и они тоже захотят исправления своего поведения. У датчан есть свой свод законов, которые знают все, и даже дети. Ты должен верить, что каждый человек может что-то сделать хорошо. Ты должен думать, что всякий человек заслуживает заботы и внимания. Ты должен верить, что любой человек так же хорош, как и ты

Ида Сергеевна (Идушка). Нашлась Попадья Ивановна. Знаешь, где свои проповеди читай? Вон, за амбаром по три рубля, а мне не надо. Жить меня учить вздумала. Сама все знаю. Нет в мире справедливости. Сами люди друг другу Бог. Вот ты приехала и жизнь сломала всем: и мне, и Лидушке, и Сергею Булатовичу. Думаешь, счастлива ты с ним будешь? Не ши-ша. Он же мужик русский, малоподъемный. Им руководить надо. Ему вон уже за тридцатник, а он еще ни одного важного решения в своей жизни не принял и ответственность ведь ни за кого не взял. А таких, которые на музыкальных инструментах могут играть, ты и в своей Дании найдешь. Уезжай подобру-поздорову. Ефроня наша, мы ее и похороним, мы за нее и поплачем.

Лоерке. А я уезжаю. Да. В Данию. Я собрала денег. Мне помогали много людей: и дочь Татьяны Сергеевны, и православная община в храме князя Александра Невского в Копенгагене. Там все: и русские, есть шведы, датчане, норвежцы. Теперь ей хватит на операцию в немецкой клинике. Там лучшие врачи в Европе. *(Тянется за пирожком.)*

Ида Сергеевна срывает со стола вязаную скатерть, на пол летит посуда и пирожки. Она накидывает скатерть на себя как шаль, танцует и поет дурным голосом песню Стаса Михайлова «Все для тебя».

Ефроня встает с постели и идет в плясовую. Лоерке присоединяется к женщинам.

Картина девятая.

Горница Ефрони. В комнате Ефроня и Сергей.

Ефроня. Я, Сережа, сон сегодня плохой видела. Будто мой покойничек новый дом выправил, я зашла в него, а потолки низкие аж кланяться приходится. Я говорю: «Что же это Павлуша так низко дом построил. А он мне: «Так не ходить тут, а спать». И кошка всю ночь у меня в голове просидела. Не к добру это, не к дороге. Чувствуешь, осень пришла. Теперь долго-долго до весны.

Сергей Булатович. Похолодало, хоть грязь приморозило.

Ефроня. Не поедем. Лягушки в затоне уснули.

Сергей Булатович. Паспорт надо получить. У них там ведь тоже по времени.

Ефроня. Ледком прозрачным река затянулась, словно кинули тарелку стеклянную. Особенно хорошо, когда солнце светит, и тогда все-все видно. Вот была жизнь, и вот вдруг стала смерть. Где-то паучок лапкой примерз, под коряжкой тритон с ледяными глазами, и водоросли стоят, как на фотокарточке. Красиво и страшно. Ты любил в детстве через цветное стекло глядеть?

Сергей Булатович. Вот странно, сейчас этих бутылок сколь хочешь, а ведь не тянет уже через них посмотреть. Что это? Старость?

Ефроня. Нет, Сережа, тебе жизнь не в радость. Не мути голову девке. Ты ее счастливой не сделаешь. Женись лучше на Лидушке. Она земляная, тебе с ней тихо жить будет.

Сергей Булатович. Как в гробу?

Ефроня. А чем там плохо, кто знает?

Сергей Булатович. Ехать надо, Ефроня. Лоерке придет на следующей неделе. В одно место заедем, пробок тебе купим. Там все цвета есть.

Ефроня. И даже сиреневый? *(Приподнимается. Гладит руками свою мозаику.)* Вот тут на грудке, эти бы красные убрать и сиреневый цвет пустить. Тамочки душа живет, а она должна быть необычного цвета.

Сергей Булатович. Мы уж и билеты купили на самолет. Ты ведь никогда на самолете не летала. Поднимешься в небо, а там вся земля как на ладони. Михайловск будешь пролетать, а мы тебе рукой помашем. Или хоть флагом. Главное, чтобы ясно было.

Ефроня. Поднимусь над землей. Я знаю. Скоро. Все увижу. Оттуда на вас на всех посмотрю. Завтра. Давай завтра. А я уже и тесто поставила, пирогов напеку.

Сергей Булатович. В школу пойду. У меня сегодня восьмой бежит, зачет по ГТО.

Ефроня. Иди, Сережа. Во сколько у тебя уроки закончатся?

Сергей Булатович. Сегодня среда, шесть уроков.

Ефроня. Среда - ущербный день. Так Павлуша мой говорил, покойничек. Царствие ему небесное. Так вот сразу и приходи после уроков. К этому времени и пирожки поспеют, горяченькие, и поешь. Ты машину сегодня не бери. В буфете для тебя беленькая припрятана. А к вечеру и Идушку, и Лидушку позови.

Сергей Булатович. Ну нет, так нет. Пошел. *(Уходит.)*

Ефроня. Постой. *(Сергей Булатович в дверях останавливается.)* Я чего вспомнила. Вот эта занавесь еще бабка моя вышивала. А когда мне приданое собирали, тогда смешно вот так прямо по стенам и вывешивали. Все и висело, чтобы видно было. Пальто у меня было с лисой, нашей михайловской, две кофты, юбка одна габардиновая, другая шерстянка, перелицованная. Ну там понятно - две подушки, одеяло пуховое, вот этот подзор. Сама плела. Я родительницу просила, чтобы она мне эти шторы отдала. Не отдала. Они ей тоже память были. Сказала, все равно твои будут, а пока пусть меня радуют. *(Пауза.)* Ты потом себе кусок отрежь, Лидушке с Идушкой отдай, датчанке нашей. А вот эти в музей - школьникам. *(Сергей уходит.)* Сей слезами, радостью пожнешь. Сеяй слезами, радостью пожнет.

Картина десятая.

Горница Ефрони. На кровати сидит кошка.

Ефроня. Сей слезами, радостью пожнешь. Сеяй слезами, радостью пожнет. *(Собирает муку со стола и бросает остатки в рот.)* Ты мышей-то лучше ешь. Жалко ведь их. По-хорошему не придавила, поигралась и бросила, а она дышит еще. Я вот сейчас в подпол спустилась, одна из них издыхает, а в глазах такая боль. И будто говорит она мне: «Эх, Ефроня, Ефроня, что же твоя кошка со мной сделала»? *(Вынимает из печи пироги на противне, мажет маслом гусиным пером.)* Если Лоерке тебя с собой заберет, поезжай.

Там у нее в Дании рыбы много и зимы нет. Всегда сыта будешь. Еще она на тебя и пенсию будет получать. Эту у них так в капитализме заведено. Вот держишь ты собаку, кошку и даже крокодила, тебе от государства помощь. *(Накрывает пироги полотенцем, присаживается.)* Сей слезами, радостию пожнешь. Сеяй слезами, радостию пожнет. Павлуша, помнишь Мишку Курняя? Это ведь он меня испортил. Не грешу на него. Силой не брал. На покосе это было. Травной дух виноват. А ты никогда не спросил, не припомнил мне, еще и крышу ему на новый дом строил. *(Подходит к шторе, отрезает ножницами полоску холицовой ткани с вышивкой.)* Сей слезами, радостию пожнешь. Сеяй слезами, радостию пожнет. *(Подходит к радиоле. Ставит пластинку. Потрескивая, звучит заезженная пластинка «Взвейтесь кострами синие ночи». Подставляет под крюк табуретку, закрепляет полоску ткани с петлей. Вешается.)*

Картина одиннадцатая.

В горнице Ефрони. На окне уже висит одна шторка. Полоса с вышивкой от другой шторы лежит на радиоле. Сергей прибывает сиреневые пробки на грудку птицы Гамаюн. Лоерке мешает кашу в чугушке. Рядом со столом стоит расчехленный контрабас.

Лоерке. Я забыла масло. Домовушка, не обижайся. Я тебе сахар просыплю. *(Ставит кашку за печку.)* Дедушка-домовушка, приходи в мой домушко, угощения откушать и хозяйку Лоерку слушать, дом оберегать, от дурного глаза охранять. От нас тебе угощение, от тебя нам – доброе отношение.

Сергей Булатович. Надо еще сиреневых пробок купить.

Лоерке *(подходит к окну.)* Снег пошел. Я так и не бывала в Михайловском.

Сергей Булатович. Возьми ножницы, холстовину разрежь.

Лоерке. А зачем штору разрезать? Это обряд такой?

Сергей Булатович. Так Ефроня хотела.

Лоерке. На память?

Сергей Булатович. На четыре части.

Лоерке. Жалко рисунок резать.

Сергей Булатович. Будем мы живы и будем когда-нибудь веселы. Веревка повешенного приносит счастье.

Лоерке *(нерешительно смотрит на длинный кусок ткани, снимает с гвоздя ножницы и разрезает полоску ткани на ровных четыре куска).* Ланг фо хэве вэн блю ог блю, лисом коомплед дэн смуккесте коомплёст ог клар транспорант, сом дэ ренисте глас. Далеко в

море вода синяя-синяя, как лепестки самых красивых васильков, и прозрачная-прозрачная, как самое чистое стекло.

Сергей Булатович. Когда я еще учился в школе, наш учитель физкультуры задал нам вопрос, чем отличается ходьба от бега? Во время бега на некоторое время обе ноги оказываются в воздухе. *(Играет на контрабасе.)*

ЗАНАВЕС.

2015 год.